

ВЕЛИЧАЙШИЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ

ВЛАДИМИР
ЕГОРОВ

ЗАГАДКА КУЛИКОВА ПОЛЯ или БИТВА, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО

Величайшие исторические подлоги

Владимир Егоров

**Загадка Куликова поля,
или Битва, которой не было**

«Алисторус»

2011

УДК 94(47)
ББК 63.3

Егоров В. Б.

Загадка Куликова поля, или Битва, которой не было /

В. Б. Егоров — «Алисторус», 2011 — (Величайшие исторические подлоги)

Мы с детства знаем историю о том, как князь Дмитрий Донской победил хана Мамая на Куликовом поле. Однако мало кто обращал внимание на то, что описание этой битвы в летописях и в древнерусской поэме «Задонщина» вызывает много вопросов, на которые у официальных историков нет ответов. Или ответы есть, но их скрывают? Автор этой книги, изучив множество исторических версий и документальных свидетельств, дает ответы на эти вопросы и приходит к сенсационному выводу: битва была, но не там и не тогда, как учит нас школьный учебник. Подлинные события были подтасованы еще в XIV веке в угоду политической конъюнктуре.

УДК 94(47)

ББК 63.3

© Егоров В. Б., 2011

© Алисторус, 2011

Содержание

От автора	6
Часть I. Сценарии	7
Сценарий первый. «Руси защитник»	7
Сценарий второй. «Ханский сатрап»	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Владимир Борисович Егоров
Загадка Куликова поля,
или Битва, которой не было

© Егоров В. Б., 2011

© ООО «Алгоритм-Издат», 2011

© ООО «Издательство Эксмо», 2011

От автора

Как-то мельче и мельче становится наша история. В обоих смыслах: измельчается и мелеет. Да и как не измельчиться, если уменьшилась сама страна после того как осыпались с нее «союзные» республики, словно плохо закрепленные кули с перегруженного воза на проселочном ухабе. И как не обмельеть, если, глядишь, в истоках ее уже не полноводный овеванный легендами Дунай, не могучий назначенный историками «путем из варяг в греки» Славутич или хотя бы мелкая и промозглая, но привольно безбрежная Ладога, а сухие обглоданные конскими табунами монгольские степи. И Россия уже не Русь-матушка, «Третий Рим», собирательница земель русских, а злокозненная Московская Орда, поработившая пол-Европы и до самого упора не пускавшая эту полу-Европу в распростертые объятия чадолюбивого НАТО. И уже Александр Невский не великий полководец, спасший Отчизну от полчищ позарившихся на ее несметные богатства алчных папских приспешников, а тать в ночи, воровски отнявший добычу у ватаги шведских озорников; не святой воитель, отстаивавший исконную веру отцов, а беспринципный интриган, торговавший родиной оптом и в розницу. Вот и Дмитрий Донской вовсе не благословенный на ратный подвиг святым радонежским старцем защитник Русской земли, а исторгнутый из лона православной церкви ханский сатрап, на совести которого десятки тысяч христианских душ, погубленных ради того, чтобы не подверглась сомнению его лояльность хозяину-чингизиду.

Плюрализм, господа, плюрализм. Плюралистов развелось – плюнуть некуда. А прочтешь очередное плюралистическое творение – так ведь хочется, ох, как хочется! Однако ничего, запьешь пивком и за другого плюралиста садишься. Потому как нет альтернативы. Ибо всякого нормального человека время от времени вдруг возьмет да посетит неумное желание прознать, что же все-таки у нас на самом деле в прошлом-то, черт возьми, творилось. А где прознаешь? Не в учебниках же, не в энциклопедиях советских. Вот и приходится, плюясь, читать их, плюралистов. А они и рады. Строчат себе – ничего у них святого. На самую Куликовскую битву, едва ли не единственное светлое пятно в нашем непроглядном татарско-империалистическом прошлом, можно сказать, покушаются!

Вот и славненько, вот и почитаем...

Часть I. Сценарии

Сценарий первый. «Руси защитник»

Очень может быть, нынешним младшим поколениям не довелось познать классику представлений советского периода о Куликовской битве. Может быть, склероз и сквозняки перестройки выветрили эту классику из дальних закоулков памяти старших поколений, когда-то запихнутую туда школьной программой и пролежавшую мертвым грузом в силу неостребованности истории, как и прочих школьных предметов, в буднях советской действительности. Поэтому уместно будет хотя бы вкратце напомнить и старым и малым классический сценарий советского времени: «Руси защитник».

В свете марксистской исторической науки ко времени Мамаева побоища – последней четверти XIV столетия – уже полтора века стонал народ многострадальной Руси под тяжким татаро-монгольским гнетом, а многочисленные удельные князья вместо того, чтобы объединиться и совместными усилиями сбросить ненавистное иго, продолжали раздирать Русь княжескими междоусобицами и грызться за ярлыки на великие княжения. Самое великое из великих княжений и самый желанный ярлык – уже не Киев, разоренный в княжеских распрях и окончательно добытый Батыем. Прежняя столица Киевской Руси потеряла всякое политическое и духовное значение, а ведущую роль на северо-востоке бывшей Киевской Руси давно перехватил Владимир-на-Клязьме – официальная столица самого сильного в прошлом из Залесских княжеств. Но и Владимир уже далеко не пуп Русской земли. В великом княжестве Владимирском на законном основании обладателя ханского ярлыка заправлял московский князь Дмитрий Иванович и с успехом делал это из своей вотчины, Москвы, превратив ее де-факто в столицу великого княжения. Надо полагать, богаты, многолюдны и притягательны стали новые стольные грады на Клязьме и Москве-реке, судя по тому, что даже назначенные Константинополем русские митрополиты не засиживались на своей захолустной и бедной киевской кафедре, а норовили перебраться во Владимир, а там и в Москву, где кипела настоящая жизнь, где сформировался новый русский политический и экономический центр и обретался столичный бомонд.

В борьбе за великокняжение и соответствующие ему привилегии с Московским постоянно соперничали другие великие княжения северо-восточной Руси: Тверское, Суздальское, Рязанское и Смоленское. В этой шедшей с переменным успехом борьбе без правил ко времени Куликовской битвы обозначилось преимущество Москвы и личное первенство ее великого князя Дмитрия Ивановича. Однако эти преимущество и первенство не распространялось на основного соперника Москвы в «собирании русских земель» – великое княжество Литовское и, соответственно, главного противника верховного московского владыки – великого литовского князя Ольгерда Гедиминовича. В долгой истории их противоборства, вошедшего в историю как первый период московско-литовских войн или попросту Литовщины, Ольгерд трижды ходил на Москву в 1368, 1370 и 1372 годах, в то время как московские князья о походах на литовскую столицу Вильню, современный Вильнюс, даже не помышляли. Результатом этих войн, в целом не выявивших явного победителя, стал договор о «вечном мире». Мир оказался не таким уж вечным, и сразу после смерти Ольгерда в 1377 году, непосредственно накануне Мамаева побоища, Москва начала прибирать к рукам так называемые Верховские княжества на Брянщине – захваченные Литвой остатки бывшего великого Черниговского княжения. В 1379 году московское войско совершило поход к Стародубу Брянскому и Трубчевску, в результате чего тамошний князь Дмитрий Ольгердович пошел в услужение к своему московскому

тезке и наряду с другими брянскими князьями да боярами через год оказался действующим лицом Куликовской битвы.

У самой этой битвы имелаась некоторая предыстория. Татары устраивали набеги на Русь практически ежегодно, поскольку даней им, как водится, не хватало. Те выплачивались по разным причинам нерегулярно и, как водится, в гораздо меньших объемах, чем хотелось бы ордынским правителям. Потому ханы и мурзы вместо того чтобы делиться своими «скромными» доходами с рядовыми нукерами, посылали тех на «подножный корм» на русские земли. Нукеры неплохо подкармливались, а заодно поддерживалась боевая форма их военачальников. За три предшествовавших Куликовской битве года летописи фиксируют три крупных ордынских вторжения.

В 1376 году татары разграбили одно из Верховских княжеств, Новосильское, по современной географии где-то на северо-востоке Орловской области. Весьма вероятно, что в то время Новосиль находился в вассальной зависимости от Москвы. По крайней мере, достоверно известно, что московский князь Симеон Гордый в конце 40-х годов XIV в. купил у своего тезки, новосильского князя, некую волость Заберегу, а в конце 60-х годов Дмитрий Иванович «поменял» неудобного ему новосильского князя Ивана Семеновича, слишком явно ориентировавшегося на Литву, на лояльного Москве его брата Романа. Так что защищать Москве в Новосиле было чего. Потому на защиту новосильцев от татар вроде бы даже вышло московское войско, но до столкновения однако дело не дошло, татары успели ретироваться раньше. А может быть москвичи не слишком-то спешили. Факт сам по себе интересный, так как Куликово поле находится в общем и целом по дороге из Москвы в Новосиль. Впрочем, принадлежало ли само легендарное поле Новосильскому, Пронскому или какому другому княжеству, сказать нелегко. Плоховато в те времена было с картографией. Границы княжеств явно не маркировались, «государственная» принадлежность определялась исключительно иерархией вассалитета – штука весьма капризная. В соответствии с этой иерархией великое княжество Московское состояло из нескольких не всегда смежных лоскутов, одним из которых, возможно, был Новосиль. Другой лоскут-экслав – Белозерское княжение, превосходящее по размеру собственно московскую метрополию в несколько раз, – был отделен от Московского Ярославским, Ростовским и Суздальским княжествами. При такой политической географии стоило, например, удельному князю Кашинскому объявить себя вассалом не тверского, а московского князя, как незримая граница между великими княжествами Тверским и Владимирским тут же сдвигалась на сотню километров к востоку. И наоборот. А метания смоленских князей между Литвой и Москвой мгновенно перемещали виртуальную литовско-московскую границу туда-сюда на пару-тройку сотен километров.

Однако вернемся к татарским набегам. В следующем 1377 году ордынцы полностью разорили Нижегородское и Рязанское княжества. Еще через год, в 1378-м, вновь вторжение в рязанские пределы. На сей раз объединенная рать Московского и Пронского княжеств под общим руководством Дмитрия Ивановича наголову расколошматила татар на реке Воже, правом притоке Оки, то есть на исконно рязанской земле. Здесь тоже есть пара любопытных моментов в увязке с будущим Мамаевым побоищем. Во-первых, москвичи и рязанцы выступили союзниками, а не врагами, как полагалось бы по сценарию «Руси защитник». Во-вторых, победоносное сражение имело место при впадении в Вожу ее притока Мечи, тезки другой Мечи (ныне Красивой Мечи), притока Дона, текущей по соседству с Куликовым полем.

Наконец после двухгодичного затишья, понадобившегося для латания прорех и сбора всех бывших в его распоряжении сил, вплоть до генуэзских наемников, рассвирепевший Мамай лично повел на Москву всю Орду. Мало того, он еще сговорился с двумя великими князьями, рязанским Олегом и литовским Ягайлом. Встреча союзников «антимосковской коалиции» должна была произойти в верховьях Дона, куда Мамай и пришел в конце лета 1380 года. Узнав об этом, Дмитрий Иванович тут же объявил срочную всеобщую мобилизацию и, собрав

в Коломне ко дню Успения Богородицы войска всех вассально зависимых от него княжеств, без промедления с огромным войском (по разным оценкам, от ста десяти тысяч до полумиллиона штыков, то бишь копий), двинулся навстречу Мамаю, успев получить от Сергия Радонежского благословение на битву и в придачу двух иноков: Пересвета и Ослябю. Подойдя к Дону, Дмитрий Иванович, вопреки советам малодушных, решительно форсировал водную преграду, и туманным утром на Рождество Богородицы его войско построилось в боевые порядки на Куликовом поле при впадении в Дон его правого притока, речки Непрядвы. Перед битвой были приняты два важных тактических решения: уничтожить за собой переправы и оставить в ближайшей роще конный засадный полк под командованием Владимира Андреевича Серпуховского и служилого волынского князя Дмитрия Боброка. Между прочим, еще два литовских князя, Андрей и Дмитрий Ольгердовичи, братья неторопливо поспешавшему на помощь Мамаю Ягайлу, командовали соответственно правым флангом и резервным полком московского войска.

Перед самым сражением главнокомандующий, великий князь Московский Дмитрий, почему-то поменялся доспехами с неким Михаилом Бренком и пошел в бой простым воином. Битва началась поединком монаха Пересвета с татаринцем Челубеем, в котором оба богатыря пали мертвыми, одновременно пронзив друг друга копьями. По ходу сражения наступающие татары уничтожили московский передовой полк, но не смогли ни прорвать центр, ни потеснить правый фланг русских войск. Зато им удалось опрокинуть фланг левый, и они зашли в тыл основным русским силам, но были остановлены резервным полком и, неожиданно для себя попав под стремительную атаку засадного, дружно ударились в бегство. Свежая засадная конница преследовала удирающего врага пятьдесят километров до самой Мечи. Разгром врага был полным, но и собственные потери огромными. Восемь дней московское войско «стояло на костях», хороня погибших. Сам Дмитрий Иванович храбро бился в первых рядах, был тяжело ранен, с трудом отыскан среди трупов, но остался жив, а вместо него погиб облаченный в княжеские доспехи и оставленный при знамени Михаил Бренок.

Быстрый сбор войск, решительный марш-бросок к Дону и немедленное вступление в бой позволили московскому войску опередить союзников Мамая. Ягайло совсем чуть-чуть не успел к Мамаеву побоищу и, узнав о победе Дмитрия, в страхе повернул назад всего в одном переходе от Куликова поля. О рязанском войске толком ничего не известно, однако бытует мнение, что оно тоже было при деле: то ли совместно с литовцами, то ли само по себе грабило обозы победителей на их обратном пути в Москву.

Куликовская победа положила начало освобождению Руси от татаро-монгольского ига и стала важной вехой в исторически прогрессивном процессе объединения русских земель вокруг Москвы. Благодарный русский народ дал князю Московскому и великому князю Владимирскому Дмитрию Ивановичу почетное прозвище Донской, а его двоюродному брату Владимиру Андреевичу Серпуховскому – уважительное Храбрый.

Эта вкратце пересказанная российско-советская классика складывалась в русской дореволюционной исторической, а затем развивалась в советской академической науке и в целом выглядит довольно стройно. Еще бы, столько маститых историков трудились. Тем не менее есть в ней несколько очевидных прорек и остающихся без ответа вопросов.

Во-первых, какова все-таки была численность московского войска и, другой связанный с этим вопрос, какие княжества внесли в него свой мобилизационный вклад? Академическая наука эти вопросы так и не решила: слишком противоречивы и несопоставимы по этим вопросам летописные данные. Но даже наименьшая и наиболее ходовая в учебниках численность войск – сто десять тысяч – более чем сомнительна. Великое княжество Московское вместе с большим, но слабо заселенным Белозерским и прочими зависимыми и союзными княжествами, даже включая те, участие которых в Куликовской битве маловероятно, вряд ли могло наскреести, да еще в пожарном порядке, такие силы. И вряд ли можно обеспечить сотысячному вой-

ску переправу через приличную реку за один день. Однако все московское войско форсировало Дон за одну ночь, да еще успело к утру уничтожить переправы и построиться в боевые порядки. Еще хуже ситуация с войском Мамае, тут вообще никаких данных, только домыслы и обычные страшилки о «несметной татарской рати».

Во-вторых, как понять тактику обеих сторон? Ладно, допустим, что войско Дмитрия действительно было очень большим, что заранее предвидевшему нападение Дмитрию удалось быстро собрать все находившиеся под его рукой в полной боеготовности силы. И тогда тем более нереальным выглядит поход всего наличного войска к черту на кулички, то бишь Куликово поле, с полным оголением тылов. Если верить летописям, Дмитрий Иванович в 1380 году уже имел немалый собственный боевой опыт и весьма искушенных в стратегии и тактике военачальников. Как могли они, зная о сговоре Мамае с Олегом и Ягайлом, увести все боевые силы далеко на Дон и тем самым оставить совершенно беззащитной свою родную землю перед литовцами и рязанцами? А с другой стороны, столь же необъяснимым выглядит бездействие последних в столь удобный момент. Ягайло вместо того, чтобы безнаказанно разгуляться и пожить в оставленных без присмотра московских пределах, в которые, кстати говоря, трижды успешно проходил его отец, неспешно ведет свое войско к Дону, а другой Мамаев союзник, Олег Рязанский, и вовсе в критический момент откровенно бьет баклуши.

В-третьих, как понять Мамае? Он договорился о совместных действиях с Олегом и Ягайлом, он почти месяц болтался в верховьях Дона, ожидая подхода союзников и вдруг, когда как минимум Ягайло уже был на подходе, когда после месячного ожидания ждать осталось всего-то один день, вдруг сломя голову в одиночку бросился в бой с громадным московским войском. Не считать же, право, идиотом человека, сумевшего своим умом, своей хитростью добиться верховодства в Орде, человека, под дудку которого долгие годы плясали многие монгольские ханы.

В-четвертых, как понять Ягайла? Допустим, он не хотел довольствоваться малым, безнаказанным грабежом московской земли, а решил радикально разделаться с основным соперником в «собираании земель русских» и уже потом с позиции силы по-своему решать территориальные споры с Москвой. Поэтому, соблюдая договор, со всем своим войском шел-таки к месту рандеву с Мамаем. Понятно, что большое войско не может двигаться без разведки и передового охранения. Например, Дмитрий до и во время похода к Дону высылал несколько глубоких разведок в Дикое поле и о сближении с Мамаем тоже узнал заранее от ближних дозоров. Ягайло не мог не знать, что лишь переход отделяет его от места противостояния Мамае и Дмитрия. Куликовская битва из-за густого утреннего тумана началась в районе полудня, и конница Ягайла вполне успевала ночным маршем к началу сражения, а к его концу, вполне вероятно, подошли бы и пешие литовские полки. Наконец, учитывая размеры потерь московского войска, Ягайло даже с небольшими силами вполне мог напасть на его остатки после завершения Мамаева побоища. Усталые и к тому же разбросанные на пять десятков километров из-за преследования татар до Красивой Мечи, они вряд ли смогли оказать Ягайлу какое-либо реальное сопротивление. Вместо всего этого Ягайло черепашим шагом ползет к Дону, позволяя Дмитрию собрать войска и обогнать его, а потом вдруг пренебрегает уникальной возможностью разделаться с обессиленным врагом, неожиданно поджигает хвост и драпает обратно в Литву, отважившись лишь украдкой пограбить какие-то московские обозы.

В-пятых, как понять самого Дмитрия? Гениальный полководец, великолепным маневром получивший возможность бить врагов поодиночке, вдруг перед решающей битвой оставляет войско без командования, идет сражаться простым воином и растворяется в общей массе. Бывает, конечно, что полководец в критический момент сражения сам ведет в атаку свои дрогнувшие полки и личным примером воодушевляет воинов, как это сделал, например, Наполеон на Аркольском мосту. Но бросать войско на произвол судьбы перед началом битвы – такого в истории ни за великими, ни за мелкими полководцами не числится. Тем более не пристало

прославленным полководцам отсиживаться в кустах. А по версии «Сказания о Мамаевом побоище» Дмитрий Иванович, переодевшись простым воином, в прямом смысле отсиживался всю Куликовскую битву в кустах ближней дубравки. Столь же трусливо он повел себя через два года во время нашествия на Москву нового ордынского хана Тохтамыша. Казалось бы, над Ордой за последние годы одержано две крупные победы на Воже и Непрядве плюс успешный рейд на Волгу в Болгарское ханство «под дых» Золотой Орде. Авторитет Дмитрия среди князей северо-восточной Руси непререкаем; в строю главный военачальник и гроза ордынцев Боброк Волынский, командовавший походом на Волгу и «устраивавший полки» на Воже и Непрядве. Вроде бы все идет к тому, что надо закреплять успех, сбрасывать ненавистное иго. Но... Тохтамыш сжигает Москву без малейшего сопротивления со стороны Дмитрия, позорно удравшего аж в Кострому, полностью разоряет московские и рязанские земли, после чего спокойно удаляется с трофеями восвояси.

В-шестых, как понять московский народ? За что он был так благодарен Дмитрию, за что дал ему почетное прозвище Донского? Великий князь в донской битве сражался рядовым воином, войском не командовал и, следовательно, прозвание его Донским вообще не имеет никакого смысла. С другой стороны, если исходить из того, что он был организатором и вдохновителем дальнего похода за Дон, то именно он ответственен за то, что на Куликовом поле зазря полегли десятки тысяч кормильцев русских семей, а единственным видимым результатом народного подвига стало новое разорение московской и рязанской земель Тохтамышем. В такой ситуации скорее можно было бы ожидать, что «благодарный» народ дал бы Дмитрию уничижительно издевательское прозвище Костромского в память о том, как он отсиживался, испугавшись Тохтамыша, в заволжской глухомани. Заметим, даже православная церковь долго, очень долго отказывала Дмитрию Донскому в святости, в отличие, например, от Александра Невского. Донской был канонизирован только... через шестьсот (!) лет после смерти, уже в наше время, в 1988 году.

Итак, шесть вопросов. А сколько ответов?

Авантюрный поход всеми силами за Дон сценарий «Руси защитник» объясняет военным гением Дмитрия Донского, который сумел все предвидеть, разумно рискнуть и не дать соединиться союзным силам. Ну что ж, гений так гений; победителей, как говорится, не судят. Хотя история, дама своенравная, не брезгует судить и победителей.

Непротивлению Тохтамышу есть два толкования. По одному из них, кстати, более позднему, Дмитрий поспешил в Кострому «собирать войска». Но почему-то не собрал. За два года до этого в считанные дни поставил под копье против Мамаю сотни тысяч бойцов, и ни в какие тмутаракани ему для этого ехать из Москвы не пришлось, а тут вдруг свет сошелся на Костроме. Другое толкование, более старое и восходящее еще к каким-то летописям, списывает трусливое поведение Дмитрия на «нежелание» воевать подвластных ему удельных князей. Вот так вот случилось, что всех их, которые в общем-то и заняты были только войнами, если не считать охот да пиров, вдруг дружно одолело нежелание заниматься своим главным делом, единственным, которое они умели делать. Как-то не верится. Можно понять, когда артачится один какой-нибудь чем-то обиженный или обделенный феодал. Но когда не желают подчиняться все, то тут что-то не так. Значит, неправда не только то, что «Куликовская победа положила начало освобождению Руси от татаро-монгольского ига», но и то, что она «стала важной вехой в процессе объединения русских земель вокруг Москвы». Не положила, не стала.

По остальным вопросам сценарий «Руси защитник» и вовсе хранит скромное молчание. Этих вопросов как будто не существовало, из чего можно сделать вывод, что и ответа на них тоже не имелось. Да и действительно, какое может быть объяснение, например, отказу Дмитрия от командования войском и переодевание в одежду рядового воина? Никакого. Никто его и не нашел. Или какое можно найти оправдание позорному бегству в Кострому? Тоже, казалось бы,

никакого. Ан, нет, оказывается, при большом желании какое-то все же можно! Но оно порождает целый новый «уточненный» сценарий Мамаева побоища, к которому мы и переходим.

Сценарий второй. «Ханский сатрап»

Есть расхожее мнение, даже убеждение, что русскому человеку всенепременно подавай царя. Несподручно ему жить без властной руки самодержца – менталитет не позволяет. Потому всякая демократия у нас обречена изначально и ни к чему путному никогда не приведет. Может, оно и вправду так – благо смехотворных, кабы не печальных, примеров того, чем кончались демократические игрища в России, предостаточно. Так уж повелось на Руси еще с самого первого царя, с Гороха. Впрочем, про гороховые времена можно только гадать, а вот что со времен царя Косаря, он же кесарь, он же византийский император, так это точно. На Руси могли быть свои князья и даже великие князья, славные и почитаемые, получившие хвалебные прозвища и приобщенные к лику святых, но царь, прямой наследник римских кесарей, был один – в Константинополе. Однако после захвата в 1204 году византийской столицы крестоносцами и провозглашения Латинской империи Романии православная Византия фактически перестала существовать, подчинившись папе. Возможно образовавшийся вакуум верховной власти, сразу светской и духовной, привел бы Русь к переосмыслению ее взаимоотношений с Византией и уже тогда, в XIII веке, естественно побудил бы ее постепенно встать на путь полного суверенитета и автокефалии. Но к тому времени Киевская Русь уже фактически рассыпалась, и множеству мелких феодальных суверенитетов было не до одного большого и универсального. А всего через треть века после падения Византии, когда этот факт еще только осмысливался на Руси, навалилось на нее татаро-монгольское иго и как-то само собой заменило византийского кесаря в политической иерархии новым «царем» – ордынским ханом. И хотя русских митрополитов по инерции, но откровенно нехотя, еще принимали из Константинополя, ярлыки на княжения стали выпрашивать, с подобострастными поклонами и подношением богатых подарков, у ордынских правителей. По мере того как роль и авторитет константинопольских назначенцев на Руси быстро падали, роль и значение держателей ханских ярлыков столь же уверенно росли.

Основным более-менее регулярным источником доходов золотоордынских ханов была дань с покоренных земель, которую в конце XIV века собирали уже не ханские баскаки, от случая к случаю и с кого придется, а местные правители, поголовно со всего населения на вполне регулярной основе. Собственно, ярлыки на великие княжения и нужны были в первую очередь для того, чтобы получить эту доходную привилегию – к рукам сборщика дани всегда чего-нибудь да прилипнет. Резкое усиление Москвы при держателях ярлыков от Ивана Калиты до Дмитрия Донского наводит на мысль, что могло прилипнуть и по-крупному. Другим источником ханских доходов, эпизодическим, зато потенциально безразмерным, были набеги на сопредельные земли со всеми сопутствующими «развлечениями»: тотальным грабежом, массовыми убийствами, разгульными изнасилованиями и, наконец, растянувшимся от горизонта до горизонта обозом с награбленным добром и караваном бренчавшего кандалами полона.

Вторая половина XIV века в Золотой орде отметилась ханской чехардой, которую летописи именуют «великой замятней». За полтора столетия, прошедшие со смерти Чингисхана, его потомство изрядно расплодилось и перепуталось. Многочисленные прямые и не очень потомки Потрясателя вселенной усердно соревновались в том, кто большему числу соперников устроит фирменную секир-башку. В мутной водице этой замятни, густо окрашенной кровью претендентов на ханский трон, успешно выловил свою «золотую рыбку» темник Мамай, сумевший взять бразды правления Ордой в свои руки и уверенно державший их при быстроменяющихся ханах. Не пришедшиеся ему по душе, кстати сказать, сменялись особенно быстро. Хотя Мамай был зятем хана Бердибека и фактическим властителем Золотой Орды, формально занять ханский трон он не имел права, так как эта привилегия по завещанию Чингисхана принадлежала только его прямым отпрыскам. Зятя были не в счет. Из-за этого досадного препят-

ствия Мамаю приходилось сажать на трон ему угодных и смещать ставших негодными ханов из числа кровных чингизидов, благо вследствие плодовитости последних трудностей с выбором Мамай не испытывал. Собственно, именно Мамай успешно поддерживал в Орде «великую замятню» к своей выгоде долгие годы.

Политические игры, позволившие Мамаю двадцать лет продержаться на вершине властной пирамиды Орды, он столь же успешно распространил и на северо-восточную Русь. Будучи де-факто правителем Орды, Мамай от имени марионеточных ханов раздавал ярлыки на великие княжения и по классическому принципу «разделяй и властвуй» передавал ярлык то одному, то другому князю, не позволяя, с одной стороны, долго прикармливаться и слишком усиливаться ни одному из них, а с другой, – поддерживая между ними постоянную конкурентную вражду. Русские князья, традиционно чтившие царя и привыкшие беспрекословно исполнять царскую волю, подчинялись решениям Мамаю. Но в случае с великим князем Московским вдруг нашла коса на камень. В 1371 году, когда Мамай отдал ярлык на великое Владимирское княжение Михаилу Тверскому, Дмитрий Иванович, доселе владевший ярлыком, подчиниться новому решению ордынского правителя отказался, в Орду на поклон не поехал и через посла передал Мамаю, что князя Михаила на княжение во Владимир не пустит. С чего заартачился Дмитрий? Сие неизвестно. Сценарий «Руси защитник» вроде бы подразумевал, что почувствовал свою силу князь Московский и великий князь Владимирский, посмел дать отпор Орде. При таком раскладе естественным продолжением новой политики Дмитрия Ивановича выглядят и рейд московского войска в казанское ханство с перенаправлением его дани из Орды в Москву, и заданная ордынцам трепка на реке Воже, и, наконец, апофеоз сопротивления Орде – Куликовская битва. Вот только трусливое бегство от Тохтамыша в Кострому никак не укладывается в эту «новую политику». Любопытная получается картинка: крымских и казанских ханов колошматим в хвост и в гриву, а от Тохтамыша, только слышав о его приближении, драпаем во все лопатки. Такой вот странный, на первый взгляд, переход на личности. Но именно на личностях ордынских правителей и основывается следующий сценарий – «Ханский сатрап».

Авторы этого сценария как раз обращают внимание на то, что Мамай при всем своем реальном могуществе не был и не мог быть ханом. Худороден был по ордынским меркам. Стало быть, после возникновения прямого конфликта между ним и Тохтамышем русские князья должны были отвернуться от Мамаю. Ему приходилось подчиняться, точнее даже не ему, а его силе, но только поневоле и как временщику. А вот Тохтамыш, тот был чингизидом по крови и, стало быть, настоящим ханом по ордынским законам. Таким образом, для чтящих ордынский закон Рюриковичей Мамай был узурпатором, а Тохтамыш – истинным «царем». Такому поклониться не грех, а долг чести, такому сам Бог велел подчиняться радостно и служить преданно. Вот потому-то Дмитрий Донской Мамаю платить дань отказывался, самого Мамаю и его мурз бил почем зря, а Тохтамышу высылал богатые дары и помыслить не смел поднять против него оружие. Вот потому-то, когда дело дошло до открытого противостояния Мамаю с Тохтамышем, Дмитрий естественным для него образом взял сторону «царя» и выступил против Мамаю, то есть пошел не против угнетателя русского православного народа и не против душившего Русь татарского ига, а только против узурпатора в помощь законному претенденту на ханский трон. Вот потому-то он, когда узнал, что «истинный царь» идет на Москву, перечить ему не посмел и удалился от греха подальше в заволжскую тмутаракань – далекую Кострому.

Вот как выражена квинтэссенция данного сценария у советского историка М. Тихомирова¹: *«После разгрома Мамаю на престол сел Тохтамыш, и Дмитрий с почетом послал ему дары. Тохтамыш – союзник Дмитрия, воевавшего не против Орды, а против Мамаю, Орде не подчинявшегося. Так что не было сепаратизма русских князей против великой империи, но борьба за единство Орды против узурпатора. Дмитрий не за свободу Руси боролся, а за*

¹ М. Тихомиров. Куликовская битва 1380.

единство Орды». Такой вот уточненный сценарий нашего времени, вероятно поспособствовавший запоздалой канонизации «борца за единство Орды» Дмитрия Донского, а возможно, именно для инициации процесса канонизации и писанный. Однако разрешает ли сценарий «Ханский сатрап» рожденные классикой сомнения, отвечает ли на шесть наших поставленных выше вопросов? Увы, нет. На самом деле абсолютно ничего не объясняет этот новомодный сценарий, только добавляет новые вопросы.

Если Дмитрий Донской на Куликовом поле бился за «царя» против узурпатора, то почему не в роли верного царского вассала, великого князя Владимирского, а рядового воина? Если Дмитрий Донской пошел на Куликово поле против Мама за Тохтамыша, то почему Тохтамыш вместо благодарности московскому князю за более чем ощутимую помощь разорил всю его вотчину и сжег его столицу, а ярлык на великое княжение передал Ягайлу? Если Дмитрий считал Тохтамыша своим сюзереном, то почему, узнав, что повелитель сподобился нанести визит в его владения, не вышел навстречу с приличествующими случаю выражением преданной покорности и подарками, а шкодливо сбежал из дома в далекую Кострому? Нет, не вяжутся концы с концами в сценарии «Ханский сатрап», не вяжутся куда больше, чем в классике. Там по крайней мере можно худо-бедно объяснить разорение Москвы Тохтамышем простым наведением хозяином порядка в новом доме после победы над Мамаем. Царство завоевано, теперь надо лично пройтись по нему, посмотреть что к чему, за что боролись, понять, чем дышат подданные. А что касается разорения Москвы, так это любя: вроде того как мать, разняв драчунов сыновей, дает забияке в наказание ремня и ставит его в угол, а пострадавшему отвечает для острастки символический подзатыльник. Вот таким «подзатыльником», чтобы не забывал, кто в доме хозяин, и могло стать сожжение Москвы. По тогдашним меркам пустяк. Забияке-то Мамаю пришлось не в пример хуже.

Итак, сценарий «Ханский сатрап» все основные вопросы по-прежнему оставляет без ответа. Более того, он добавляет еще один, седьмой, вопрос: почему все-таки Тохтамыш сжег Москву, то есть вместо благодарности за объективную неоценимую помощь в борьбе с Мамаем за верховенство в Орде, решил наказать Дмитрия Донского? Если сценарий «Руси защитник» подразумевает, что Дмитрий был наказан за свободолюбие, патриотизм и первые смелые попытки освободиться от власти Орды, то модный и, пожалуй, доминирующий в последнее время сценарий «Ханский сатрап» полностью дезавуирует это объяснение, не предлагая ничего взамен. Образующийся вакуум, которого, как известно, природа не терпит, ищущая мысль в соседней Беларуси заполнила еще одним, оригинальным и весьма отличным от двух первых, сценарием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.